

Захар Шибeko

Городская цивилизация: белорусский шлях

На мой взгляд, городская цивилизация в Беларуси еще окончательно не утвердилась, хотя в белорусских городах и проживает, согласно переписи 1999 г., около 69% населения. Если принимать во внимание не только материальную, но и духовную сторону городской цивилизации, мы остаемся деревенской нацией. Белорусские города заполнили бывшие деревенские жители, которые не стали горожанами. И в городских квартирах они продолжают жить деревенскими нуждами, думать по-деревенски.

Есть ли основания для таких суждений? Специальных исследований на этот счет не существует. Мои соображения основываются на известном положении об инертности сознания, которое обычно не успевает за изменениями в обществе, а главное – на исследовании исторического опыта урбанизации Беларуси¹ и на основе личных наблюдений отдельных фактов проявления крестьянской ментальности у белорусских горожан.

Стремительная урбанизация стран Западной Европы, то есть увеличение численности горожан за счет деревенских жителей, началась с конца XVIII в. Возрастала роль городов. Урбанизовался быт людей, урбанизовалось их мышление. И как раз тогда Великому Княжеству Литовскому, в состав которого входили белорусские земли, не повезло. Оно выпало из общеевропейского процесса. Разрушение городской инфраструктуры в связи с нескончаемыми войнами с соседями существенно ослабило Великое Княжество Литовское и стало одной из причин его военного присоединения к Российской империи.

В условиях России урбанизация на белорусских землях замедлилась, а главное – обошла стороной коренную нацию –

---

¹ З.В. Шыбека, С.Ф. Шыбека, Мінск: *Старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада*. Мн., 1994; З. Шыбека, *Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў)*. Мн., 1997.

белорусов. Царское правительство фактически закрыло для мещан-христиан путь к коммерческой деятельности, когда лишило их налоговых привилегий, переписав в число тяглого населения. А когда царизм запретил предприимчивым евреям выезжать за границы бывшего Великого Княжества Литовского (1794) и селиться вне городских поселений (1882), он существенно затруднил доступ в город деревенских жителей. И что интересно, в то время как горожане всячески ограничивались в правах, жители деревень подвергались меньшей дискредитации и даже имели налоговые льготы. Поэтому мещане оставляли города и переселялись в деревни.

Казалось бы, благотворительность царизма по отношению к белорусским крестьянам выглядела ненатурально, однако это имело определенный политический смысл. Белорусские крестьяне привязывались к земле, как современные граждане к усадьбам своих деревенских родителей и дачным участкам. В городах тогда численно доминировали евреи и русские. Крестьян отстраняли от небезопасных для самодержавной империи городских дел. Их сознание не урбанизировалось. Они оставались серой, индифферентной, послушной массой и рассматривались в качестве этнографического материала для строительства русской нации. В конце XIX в. в городах Беларуси проживало около 10% населения, тогда как в городах Германии и Франции – около 40%. Доля горожан-белорусов в то время не превышала и 17%.

Кроме того, с присоединением к России белорусы потеряли достойную столицу, которую так и не приобрели до сих пор. Вильно становится обычным губернским центром Российской империи, а позже – столицей новой Литвы. Что же касается Минска, то этот город никогда не заменит Вильно уже по той причине, что не является знаменитым историческим центром. Он никогда не имел собственного королевского двора, как Вильно, Киев, Варшава или Москва. Минск потерял даже Замчище, где жили минские удельные князья. В случае если и удастся возобновить этот исторический центр города с его земляным валом и деревянными стенами, он все равно не будет впечатлять так, как Кремль в Москве, как Королевский дворец в Варшаве, как Пражский Град в Праге. Исторический потенциал города не позволяет Минску стать в один ряд с известными европейскими столицами. Может потому белорусы и жмутся к Москве или Варшаве, что не имеют знаменитой столицы, которая убедила бы их в равнозначности с другими народами. Вокруг достойных столиц рождаются достойные нации.

Советская индустриализация 60-х годов прошлого столетия превратила городских жителей в большинство белорусского общества, изменила состав горожан в пользу белорусов. Однако советские города не могли формировать сознание людей по европейским образцам. Советская урбанизация имела совершенно иные цели. Город служил полигоном для массовой коммунизации сознания местного населения. Традиции буржуазного города уничтожались, а взамен их насаждались идеалы жизни фактически крестьянско-колхозной. Послевоенный город БССР создавался деревней для зимнего отходничества.

После провозглашения независимости Беларуси в 1991 г. структура городов по-прежнему используется для навязывания ценностей советско-белорусской культуры, деревенской по своему происхождению. Этому содействует и массовый выезд из страны евреев, наших исконных горожан, а также проводимая современным руководством политика изоляции от западных стран.

Так что исторические обстоятельства не позволяли коренным жителям Беларуси урбанизироваться по-европейски. В нашем случае урбанизация деревни была недостаточно мощной. В нашем случае «деревенская сознательность» чаще побеждала «сознательность городскую». Города становились деревенскими. А их жители не нацеливались на освоение навыков пользования достижениями и преимуществами городской цивилизации. Людями с недоурбанизированной ментальностью, характерной для белорусов, было легче управлять.

В чем же выявлялась эта недоурбанизированная ментальность? Важнейшая ее черта – мифологизация, склонность к утопиям и, в первую очередь, к утопиям социалистическим. Это обуславливается убеждением жителей деревень в существовании, казалось бы, элементарного выхода для достижения равенства и справедливости в отношениях между людьми. Земли много – всем хватит. Ее нужно только переделить. Отнять лишнее у богатеев и передать беднейшим. Это идеология пауперов, вчерашних жителей деревни, которые, попав в город, стремятся и там осуществить свои идеалы.

Недоурбанизированность проявляется в отсутствии у белорусов достаточно заметного исторического сознания. Житель деревни редко интересуется прошлым всей Беларуси, его интересует преимущественно родной угол («родны кут»).

Для сельского менталитета характерно отсутствие достаточно прочного чувства национального сознания. На страже его, как известно, стоят национальное государство и националь-

ный город. А поскольку белорусы были нацией не только негосударственной, но и негородской, то эти обстоятельства никак не благоприятствовали росту их национальных чувств.

Для сельской ментальности белорусов характерны также аполитичность и приспособленчество. Им, в принципе, все равно, какая власть, лишь бы не мешала трудиться на земле. Опыт подсказывал, что любая власть не может быть хорошей, что к ней все равно необходимо приспособляться. Так что белорусский сервилизм, или, как сейчас говорят, холуйство, имеет также сельское происхождение.

Не является ли это следствием бывшей подневольной жизни и большевистского угнетения, через которые прошли белорусы? Не без этого. Но нельзя всё списывать на трудную судьбу и большевиков. К тому же для белорусов характерен не только сервилизм, но и чрезмерная горделивость. А это уже черта людей каменного века. Что крестьяне обычные, что подвергшиеся коммунизации, все они по своей сути – одно и то же. Ведь сырая вода также по своему молекулярному составу ничем не отличается от воды кипяченой.

Можно назвать еще зависть. Это как раз то качество представителей аграрной цивилизации, унаследованное белорусами, которое особенно вредит их сплоченности и консолидации. Говорят, наилучшая радость для белоруса, когда у соседа корова издохла. Может, недоброжелатели и преувеличивают, но стремления к взаимопомощи нам действительно не хватает. Между коренными горожанами и жителями деревень – пока бездна.

Впрочем, не только белорусы преодолевали порог недоверия и даже враждебности к городской цивилизации. Через это прошли или проходят все народы. Но белорусский путь оказался особенно долгим и трудным. Как уже отмечалось, средневековая традиция городской жизни белорусского народа была прервана в конце XVIII в. И с тех пор этот народ никогда не чувствовал себя в городе уютно, никогда не осознавал себя хозяином.

Теснота, непривычность городского пейзажа, временами далекого от национальных традиций, приводили к тому, что белорусский крестьянин, попав в город, переживал настоящий стресс.

Якуб Колас писал о городе:

Колькі шуму, колькі груку!
Я дзіўлюся, як тут жыць,
Па каменням, гэтым бруку
За грахі адны хадзіць.

Франтишек Богушевич видел город еще более враждебным для себя:

Не люблю я месца (па расійску горад),
Надта там цяснота і вялікі сморад,
А паноў – як маку, ды сярод гароду
Апрач таго пропасць рознага народу!
Наш брат як увойдзе, – сам сябе баіцца.
Ці ісці без шапкі, ці гдзе пакланіцца?

Город и сейчас остается «чужим» для значительной части жителей Беларуси, исключая молодое поколение коренных горожан. Враждебность к городской цивилизации трансформируется во враждебность к Западу, к европейскости.

В принципе, крестьянское сознание в условиях городской цивилизации – вещь небезопасная. Крестьянским (недоурбанизированным) сознанием легко манипулировать. Люди аграрного мировоззрения обычно выделяются повышенной агрессивностью. По моему мнению, силы, которые стоят за актом террора 11 сентября 2001 года, остаются не ангажированными в городскую цивилизацию и характеризуются неурбанизированной или недоурбанизированной ментальностью. Мир делится на сторонников и несторонников американского образа жизни, наиболее полно впитавшего в себя достижения городской цивилизации. И приходится удивляться, что аналитики практически не обращают внимания на существование на нашей планете огромного аграрного континента. Убежденность в победе индустриального общества над аграрным и утверждении городской цивилизации чрезмерно преувеличена. Пирамиде носителей богатств и индивидуальных способностей, на которой держится городская цивилизация, по-прежнему противостоит пирамида носителей власти и наследственных привилегий, на которой держатся цивилизации традиционные или аграрные.

Однако абсолютно очевидно: как деконсолидация белорусов, так и деконсолидация всемирного сообщества будут преодолены в рамках урбанизированной ментальности и в границах городской цивилизации. А для этого каждый народ должен научиться пользоваться достижениями этой цивилизации и ее преимуществами.

* Замечанные опечатки исправлены